

БИБЛИОТЕКА
«РОССИЙСКОГО
КОЛОКОЛА»

ИВАН КРАЙНОСТИ
ЕКАТЕРИНА ДРАГУЦЭ

КЛАДБИЩЕ
ЖЕНЩИН

Библиотека «Российского колокола»

Иван Крайности
Кладбище женщин

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Крайности И.

Кладбище женщин / И. Крайности — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Библиотека «Российского колокола»)

ISBN 978-5-907395-21-3

Эта книга о свободе. Свободе выбора, свободе воли. Может ли человек сам выбирать свой путь или является лишь игрушкой и заложником неких сил – тьмы, скрытой в его душе, или тьмы извечной, могущественной, существовавшей всегда? Иван Крайности и Екатерина Драгуцэ в романе «Кладбище женщин» пытаются ответить на этот вопрос. Книга рассказывает об истории одной семьи, над которой тяготеет древнее проклятье: раз в несколько поколений в роду неизменно появляется тот, кто вольно или невольно сеет смерть на своем пути. Так происходит на протяжении нескольких столетий. И вот на дворе уже конец XX века: один из представителей этой загадочной семьи открывает частное кладбище, на котором захоронены только женщины. Какие тайны хранит оно? Можно ли порвать цепь проклятья, уходящую вглубь веков? Все это вы узнаете, прочитав роман.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907395-21-3

© Крайности И., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Краткая биография авторов	6
Часть 1. Почти конец пути	9
Пролог	9
Глава 1. Привычный путь	10
Глава 2. Исповедь чудовища	17
Глава 3. Там, где все началось	20
Глава 4. Дневник	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Иван Крайности, Екатерина Драгуцэ Кладбище женщин

© Иван Крайности, 2020

© Екатерина Драгуцэ, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Краткая биография авторов

Иван Крайности – Чебан Иван Федорович, родился в с. Гаузены, Шолданештского района, МССР, где и учился в средней школе, а по окончании восьмого класса поехал учиться на автокрановщика в ГПТУ № 12 г. Оргеев, МССР. До призыва на военную службу работал автокрановщиком в г. Рыбница. Срочную службу проходил с 1983 по 1985 г. в пос. Мерефа Харьковской области, с 1985 по 1989 г. учился в МВКУДИВ, г. Балашиха Московской области. По окончании был направлен в войска ГО СССР (г. Ногинск Московской области, затем в г. Руза Московской области). Далее служил на различных должностях в гг. Москве, Санкт Петербурге, получая очередные и досрочные звания за старание и инициативу в службе, и в 50 лет был направлен на пенсию. Воинское звание – полковник запаса. В настоящее время работает преподавателем ОБЖ, БЖД и охраны труда в Московском колледже геодезии и картографии (МКГиК).

Публиковался неоднократно в журналах «Мост» (Санкт-Петербург), «Российский колокол» и «Автограф» (Москва), в сборниках «Поэт года», «Писатель года», «Наследие», «Воин-

ская слава», «Проза.ру» и «Стихи.ру». Издавал книги в редакциях гг. Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Москвы (всего 13 книг прозы – рассказы, повести, фантастические романы и 1 книга – сборник стихов). Награжден ведомственными медалями МЧС России и Российского союза писателей («Владимир Маяковский 125 лет», «А. С. Пушкина», «Анны Ахматовой», «Георгиевская лента», «С. Есенина» и др.).

Екатерина Драгуцэ – Екатерина Юрьевна Булей (Драгуцэ) родом из подмосковного военного городка. По профессии – преподаватель иностранных языков.

С 2006 г. Екатерина возглавляет российское отделение международной научно-культурологической организации «Трансильванское общество Дракулы», являясь также членом жюри ежегодного литературного онлайн-конкурса «Трансильвания».

В 2006 г. был опубликован первый рассказ Екатерины «Встреча» (журнал «Страна “Озарение”»). В 2013 г. – роман «Туман и Дракон» (в соавторстве с Ф. Моро). В 2017 г. – фанта-

стический роман «Остров Врангеля», а затем – «Люди под знаком Марса», созданные с писателем и поэтом Иваном Крайности. В литературе Екатерина отдает предпочтение фантастике и мистике.

Часть 1. Почти конец пути

Пролог

Город, как и все города мира, жил своей жизнью. Темные и светлые нити событий сплетались в вечный причудливый узор, судьба к судьбе, жизнь к жизни, смерть к смерти. Город был невелик по меркам того времени, о котором пойдет речь, – так, средней руки провинциальный старинный городок в центре Европы. Но голос его, точнее, голос одного единственного человека в нем, человека, знавшего и хранившего тайну своего отца, был очень громким. И Бог его слышал. Слышал, и его охватывала глубокая задумчивость. Почему? Терпение, дорогой читатель, вы скоро все узнаете.

Глава 1. Привычный путь

Одним промозглым осенним вечером по улицам Шасборга неторопливо ехал серебристый «ауди» – один среди многих, разбрызгивая лужи. Автомобиль неспешно двигался мимо освещенных аквариумов витрин, в которых застыли манекены в разноцветных одеждах, громоздились «букеты» дамских сумок, перчаток, украшений, обуви, игрушек и много еще чего. Среди витрин иногда попадались яркие двери и завлекательные вывески ресторанчиков. Над всем этим высилась темная громада средневековой ратуши, которая, казалось, дремала, как старая-престарая бабушка. Напротив вонзал шпиль в небо собор, закрытый по случаю позднего времени.

Прохожих было немного – прячась под зонтиками, они в основном спешили по домам с работы. Впрочем, попадались и туристы, которых можно было легко отличить по удивленно-довольным лицам и фотоаппаратам в руках. Но из-за дождливой погоды улицы от них, от туристов, тоже не ломились. Сезон почти закончился.

Автомобиль миновал центральные улицы и въехал в другие – более узкие и темные. Изобилия вывесок там не наблюдалось. Впрочем, нет, вывески-то были, но иные: сделанные в основном в пронзительно-розовых или красных тонах неоновые рекламы, казалось, подмигивали из-за угла, обещая прямо или чуть завуалированно самые изощренные удовольствия мужчинам (да и женщинам) со знойным темпераментом и полным кошельком. Кое-где на зданиях ритмично двигались неоновые красотики, обнаженные или полуобнаженные; кое-где все скромно ограничивалось красными светильниками у подъезда и какой-нибудь афишей с очаровательной фото-девушкой, обещающей «лучший эротический массаж в стране – европейский, тайский, японский». Квартал удовольствий. Квартал красных фонарей, как называют подобные ему в других городах.

На тротуаре попадались местные жительницы, или, скорее, «труженицы»: юные и не очень «фемини» – блондинки, брюнетки, шатенки в умопомрачительных мини-юбках и разноцветных блестящих платьишках, обтягивающих аппетитные формы. Яркие, бросающиеся в глаза создания, для того и живущие, чтобы привлекать... и привлекающие, чтобы жить. Казалось, дождик им не помеха.

Автомобиль «ауди» продолжал свой путь – все так же, не торопясь, как будто всматриваясь светом фар в мелькающие фигуры полуобнаженных девушек. Некоторое время спустя он остановился возле одного из многочисленных тускловатых фонарей. Стекло водительской двери медленно поползло вниз, и к машине тут же подскочила девушка в ботфортах и красных с блестками шортах. Белый полупрозрачный топик не скрывал, а скорее подчеркивал изящную фигурку; черные волосы, стриженные под пажа, поблескивали, словно антрацит, в желтом фонарном свете. Многочисленные дешевые, но яркие пластмассовые браслеты на обнаженных тонких руках глухо постукивали, когда девушка двигалась. Возраст было невозможно определить – девушке могло оказаться как двадцать, так и тридцать и даже более лет: под толстым слоем косметики, да еще ночью, никто бы не сказал наверняка. И как никогда в данном случае подходили стихи, сложенные небрежно однажды незнакомым поэтом со звучным иностранным псевдонимом, что в переводе означало бы «крайности»:

Всю красоту со многих женщин можно смыть водой,
На первый взгляд, дотронувшись слегка рукой
До нужных отложений!
Стереть с ресниц, с бровей и с губ все то,
Что нанесли помадными слоями,
Что нарисовано с утра старательно кругами!

Стереть со щек крема, с волос – все завитушки,
Тихонько вынуть из ушей цепные побрякушки
И смыть на шею родинки и все сердечки-мушки!
Смыть краску с их волос, потом в глаза смотреть,
На тело платье поприличнее надеть,
И перед ней стоять не вялым, не робеть...
Тогда уверен я, но не хочу пугать:
Что ниже не придется раздевать,
А если уж разденете – снимать, стирать, смывать,
А лучше убежать...

– Привет, красавчик! Развлечемся? – игриво поинтересовалась труженица улиц, наклонившись к открытому окну автомобиля, передвинув зонтик немного назад, отчего капли дождя падали не перед лицом, а где-то за ее спиной. Даже в сумерках видны были ее темные глаза, которые искрились весельем, цветные линзы под обработанными тушью ресницами давали дополнительные притягивающие отблески. Белые круглые пластмассовые серьги заодно покачивались, задевая открытую шею. От девушки, как только она просунула голову в открытую щель бокового окна автомобиля, запахло недорогими духами, вперемешку с хорошо знакомым водителю детским запахом, отчего у него возникла мысль, что она, возможно, еще несовершеннолетняя. Впрочем, из ее рта во время разговора просочился не очень приятный выхлоп, который дошел до его ноздрей: смесь пивных дрожжей с ядовитым дымом дешевых сигарет и еще какими-то сторонними запахами.

Она оглядела внимательней салон машины, и через пару секунд выражение ее лица изменилось, как у куклы Барби.

– Ой... да... – выдохнула она еще раз противный выхлоп в его сторону с восхищением, обрадовавшись, что водитель молод и прилично одет.

«Ухожен. Машина пахнет необычно вкусным мужским одеколоном», – подумала она, а вслух сказала:

– Э-э-э... сударь... так вы... желаете провести интересно время со мной... так или этак? То есть по полной программе или по короткой, как говорится, бюджетной? Я дам вам большую скидку... очень-очень большую... специально для вас! И это потому, что вы мне с первого взгляда понравились! Ей-богу! Вы – красавчик!

Она сказала эти слова так кокетливо, ласково, нежно, что они прозвучали почти искренне. У неопытного в любовных делах человека эти слова могли вызвать мгновенное влечение или даже искреннюю влюбленность с первого взгляда.

Водитель, улыбаясь, смотрел на нее. Реакцию девушки вполне можно было понять и предсказать, поэтому он смотрел и гадал, откуда она родом: из Лондона? Из Парижа? Из Копенгагена? Или Мадрида? С карпатских предгорий или с при уральских равнин?

Девушка, в свою очередь, в ожидании ответа рассматривала водителя. Лицо его принадлежало к числу тех, которые встречаются разве что на старинных полотнах: притом создатели таких полотен, видимо, хотели изобразить ангела и вполне в этом преуспели. Идеальные черты, точеный профиль, нежная, как у женщины, кожа с легким румянцем на щеках, изогнутые луком полные губы, темные брови и под ними – самые странные и прекрасные глаза, какие она видела в своей жизни. Глаза мужчины были большими, опущенными черными длинными ресницами; подобное как раз попадалось ей и ранее, хотя и не так уж часто. А особенно притягивало взгляд и одновременно пугало то, что глаза эти были разного цвета. Один – каре-зеленый, напоминающий темное озеро в лесной чаще, другой – прозрачно-голубой, словно весеннее небо. Волосы незнакомца были густыми, золотистыми, вьющимися, крупными вол-

нами спадавшими на его широкие плечи. На вид обладателю «ауди» можно было дать от силы лет двадцать шесть – двадцать семь.

– Так вы... сударь, будете... заказывать меня или предпочтете другую девушку? Мы все молодые, красивые, свеженькие... Если да, то кого из нас выберете? Имейте в виду, что с утра не очень много клиентов было. Дождь нам мешает работать, ведь при такой погоде многие потенциальные клиенты сидят по домам со своими женами и детьми, – пролепетала окончательно растерявшаяся девушка.

Опыт у нее был немалый, но она засмушалась, словно невинная школьница. Чудные глаза незнакомца, казалось, видели насквозь ее душу, самую ее сущность, завораживали и тянули куда-то внутрь. Молодой мужчина еще раз осмотрел ее внимательно, потом бросил взгляд на других, построенных в один ряд перед фарами машин девушек и ответил низким, бархатистым голосом, не сводя пристального взгляда с «ночной бабочки»:

– Нет, милая, – казалось, он напряженно что-то обдумывал и, наконец, принял решение, – как-нибудь в другой раз. А сейчас ступай домой, ведь ночь холодная, а ты и твои подружки одеты слишком легко. И зря тут ждете. Сегодня ничего особенного вам не светит.

Говоря эти слова, мужчина вытащил из нагрудного кармана светло-бежевого плаща бумажник, выудил оттуда купюры и протянул девушке.

– На. Не жадничай. Иди домой. Я не хочу, чтобы ты и твои подружки заболели. Но обещаю, в следующий раз, когда у меня будет время с тобой пообщаться, я непременно это сделаю, а значит, ты должна быть в полном порядке к моему приезду.

– Когда? – вырвалось у нее из груди. – Как я узнаю вас? Ведь даже номера телефона своего не оставили!

– Не волнуйся, красавица, я обязательно вернусь и сам найду тебя.

Так как девушка замаялась, не решаясь взять деньги, он добавил, вновь улыбнувшись:

– Считаю это лишь авансом для всей вашей компании.

Совершенно ошалевшая девушка взяла, наконец, деньги и медленно отошла в сторону. Потом также медленно, как будто ей связали ножки вместе до колен, пошла к подружкам. Те в недоумении разглядывали ее, ничего не понимая.

Когда автомобиль скрылся за поворотом, ночная труженица еще долго смотрела ему вслед. Из оцепенения ее вытащили подружки-товарки.

– Ты чего? Что он тебе сказал? Он пьяный? Он...

– Он необычный, – сказала она и протянула руку с евро вперед.

– Ах! Ах! Ах! Вот это клиент! – завопили девушки, окружив свою подружку и стараясь быть как можно ближе к ней, чтобы им тоже достались купюры.

Машина же продолжила свой путь. Куда она едет, зачем – девушкам было неизвестно. Зато о необходимости поймать неизвестного преступника-маньяка были проинформированы все сотрудники органов охраны правопорядка, и они держали всегда перед собой скудные ориентировки.

И прямо в это время у выезда из города, по дороге, где проезжала машина, стоял лейтенант полиции по фамилии Цукерман, который сегодня не патрулировал улицы, как обычно, а встал у обочины, как рыбак у берега реки, и ловил всех подряд, проверяя рьяно документы водителей. Молодой лейтенант славился своей бдительностью и удачливостью, отчего коллеги часто подтрунивали над ним, говоря: «Поймаешь ты всех бандитов, и нас сократят за ненужностью».

Городу Шасборгу повезло – в лице Цукермана он через несколько лет должен был получить одного из самых лучших полицейских в стране.

В машине лейтенанта Цукермана находился его напарник – старший лейтенант Штоссберг, который тоже мог вполне претендовать на звание «Лучший полицейский страны». Они обязаны были патрулировать Фрекенштрассе и Либештрассе, и задача их была проста: прове-

рять документы у всех, кто по какой-то причине мог оказаться подозрительным, и сообщать начальству. Критерием этой самой подозрительности могло оказаться что угодно – в первую очередь голос, внешний вид водителя и машины, багаж, взгляд водителя, неуверенность... Да и сама интуиция проверяющих должна была способствовать найти преступников. Но это было еще не все: в городе искали некоего преступника, предположительно маньяка, как считал следователь, прибывший сегодня утром к ним в управление и лично проводивший утренний инструктаж:

– На протяжении пары месяцев были убиты несколько женщин, убиты в собственных жилищах, в собственных постелях, абсолютно по-разному. Некоторые из них были отравлены неизвестным быстродействующим ядом, убивавшим мгновенно и безболезненно; кто-то получил точный и аккуратный удар в сердце, судя по всему, тонким стилетом. Смерть у всех убитых была быстрой и почти чистой, с точки зрения следствия. Умный преступник! Хитрый, осторожный. Жертвы не похожи ни по возрасту, ни по каким-то внешним данным. Даже по роду занятий. Вот, например: незамужняя девушка, разведенная мать семейства в расцвете сил или бездетная молодая женщина лет тридцати. Или вот еще – зрелая дама, вплотную подошедшая к порогу старости, продавщица, переводчица, проститутка, врач... И никаких следов, никаких зацепок! Ужасно, – продолжил следователь, – многие женщины пропадают, умирают в нашем маленьком и всегда таком спокойном городе! И при этом, как я уже упоминал, зацепок нет, есть лишь информация, пока не проверенная, что родные их хоронят за городом, на частном кладбище, где другим лицам бывать запрещено. Частная собственность охраняется государством. Да, плюс к тому одна, непонятная мне пока что вещь... их тела будто бы выкупаются хозяином кладбища и хоронятся только там.

Вот почему хитроумный старший лейтенант Штоссберг предложил своему подчиненному Цукерману ждать у выезда из города, по направлению к неизвестному кладбищу. Его доводы были убедительными: преступники посещают свои жертвы. И идут они к ним привычными тропами.

Также в голове Штоссберга бродило еще кое-что, но пока на уровне догадки. Следователь Крафт поделился с ним неким фактом: возле дома подруги убитой, где и произошло преступление, был замечен серый автомобиль. Может, «ауди», может, БМВ. Соседи-свидетели были не уверены, так как видели машину мельком и в сумерках. И вообще, один из свидетелей, семидесятипятилетний господин Хельманн, страдал катарактой, так что полагаться на его показания особо не приходилось. Какая там была машина, да и была ли вообще, сказать просто не представлялось возможным. Но Крафту почему-то казалось, что была и что это одна и та же машина, принадлежащая преступнику. Это трудно было пока назвать полноценным «следом». Однако же Штоссберг не сомневался, что автомобиль и есть самый что ни на есть настоящий след, и сегодня он был намерен особенно тщательно проверять именно серебристые «ауди» и БМВ. Если таковые встретятся.

Дождь все усиливался. Серый автомобиль медленно скользил по мокрым улицам. Наконец, он достиг поста промокших и замерзших Цукермана со Штоссбергом, и тут ему пришлось остановиться: ведь нельзя не подчиниться представителям правоохранительных органов, когда они обращают на тебя пристальное внимание и показывают соответствующий жест жезлом.

– Добрый вечер. Старший лейтенант Штоссберг. Ваши документы, пожалуйста, – сказал вежливо Штоссберг, когда стекло машины плавно опустилось и человек за рулем повернулся к нему.

– Можно узнать, в чем дело? Я что-то нарушил, господин старший лейтенант? – ответил человек мягко, улыбаясь понимающе и грустно. В его разноцветных глазах блеснули искры безнадежного поворота жизненного пути.

– Нет-нет, просто плановая проверка, – ответил полицейский. Затем взял протянутые незнакомцем документы и принялся тщательно их изучать. Что-то не давало покоя полицей-

скому. Он не мог понять, что именно, и преувеличенно внимательно всматривался в права, словно ища, за что бы зацепиться. Наконец, он понял: серая «ауди» была упомянута свидетелем, якобы видевшим машину у дома одной из жертв. Именно серая «ауди». И на номере была цифра шесть (свидетели сообщали именно это, хотя и неуверенно). И хоть информация была не проверена, хоть главный свидетель был, как мы уже говорили, стар, как Мафусаил, и полуслеп, Штоссберг не колебался ни секунды. Его интуиция кричала в голос, требовала задержать господина Эдгара Грабдэна (если верить предъявленным документам). Он посмотрел на Цукермана и подмигнул, что означало «будь наготове»!

– Герр Грабдэн, пожалуйста, выйдите из машины, – решительно заявил Штоссберг.

– А в чем дело? – все так же улыбаясь, но в то же время с большим беспокойством в голосе поинтересовался мужчина за рулем. Казалось, он пребывает в безмятежности и вовсе не собирается протестовать и возмущаться. Лишь бледная рука с большим серебряным перстнем, украшенным сапфиром, на среднем пальце крепче сжала руль. Он, кажется, заметил знак подмигивания и напрягся.

– Э... видите ли, ваша машина числится в угоне, – принялся сочинять на ходу полицейский. – Нам необходимо проверить все данные более тщательно. Возможно, это какая-то ошибка, и вы, разумеется, ни в чем не виноваты, я не утверждаю обратное, упаси боже, но проверить надо. Прошу отнестись с пониманием.

Напарник его, рыжий флегматичный Цукерман, воззрился на Штоссберга с изумлением, приоткрыв рот, подумав: «Зачем он врет?», но спорить не посмел.

Эдгар Грабдэн помолчал секунду. Лицо его словно окаменело. Казалось, он что-то обдумывает и мысли эти не из приятных. Затем он улыбнулся еще шире и вышел из машины. При этом про себя подумал: «Может, зря испугался. Ведь я еще не все успел сделать из того, что наметил. И рано мне ставить точки над и».

Грабдэн был довольно высок, спортивного сложения. Штоссберг отметил про себя, что одет герр Эдгар в довольно дорогой плащ известной фирмы (сестра обещала подарить ему такой на день рождения, только не бежевый, как на владельце «ауди», а серый, когда накопит денег), а также что обувь на нем тоже неприлично дорогая. Эдгар послушно проследовал за полицейским.

Через пятнадцать минут он сидел в участке, ожидая приезда господина Крафта, которого Штоссберг вызвал сразу же, изложив свои подозрения по факту задержания мистера Грабдэна.

Старший лейтенант, делавший вид, что просматривает файлы на компьютере, исподтишка разглядывал задержанного, спокойно сидевшего на неудобном стуле, закинув ногу на ногу: швейцарские часы, пресловутый дорогуший бежевый плащ, обтягивающий широкие плечи, серебряный перстень с каким-то синим прозрачным камнем... немного вычурно выглядящий, по мнению полицейского. Красивое лицо, на котором застыло скучающее выражение, и странные разноцветные глаза – правый голубой, левый карий. «Да, довольно яркий субъект, – думал Штоссберг. – Такому трудно было бы спрятаться, любой маразматик запомнит. Интересно... зря я его задержал, или все же...» Он, несмотря на явные признаки виновности подозреваемого, сомневался. Вину любого преступника еще надо доказать.

Взгляд необычных глаз вдруг остановился на полицейском. Штоссберга словно прошел электрический разряд: казалось, эти глаза заглядывают в самые потаенные уголки его мозга и видят все, знают о нем все. Доблестный полицейский неожиданно почувствовал себя неуютно, будто был совершенно голым перед юной, непорочной девушкой. Ему стало холодно и страшно. «Господи... что это со мной! – всполошился старший лейтенант. – Может, он вообще... гипнотизер! Ужас какой-то! Скорее бы Крафт приехал».

Когда герр Эдгар, наконец, отвел свой взгляд от полицейского, выразительно взглянул на свои часы и затем принялся созерцать что-то за окном, Штоссберг чуть не издал громкий

вздых облегчения. В мыслях продолжала крутиться и извиваться, как змея, идея о том, что задержанный владеет гипнозом.

Наконец, в кабинет быстрой походкой вошел следователь Крафт. Худой человек лет сорока пяти – пятидесяти, лысоватый, с землистым уставшим лицом, впрочем, открытым и с чертами, не лишенными правильности. На следователе было выдавшее виды демисезонное пальто мышинного цвета, которое явно пора было отправить на покой, и тупоносые, также не новые, ботинки с несколькими брызгами грязи. О таких говорят – «трудяга, скромняга, совершенно не думает о себе, только о работе», если ориентироваться на внешность, конечно. Жан Крафт был незаметен. Такого, если и увидишь даже два или три раза, не факт, что запомнишь.

– Добрый вечер, Ханс. Что там? Я уже успел навести справки по тому вопросу, что ты говорил, – начал он с порога.

Лейтенант кивнул в сторону задержанного, продолжавшего все так же спокойно сидеть и разглядывать серо-белые стены, узкие коричневые шкафы с многочисленными папками и пыльные жалюзи – весь убогий интерьер полицейского участка.

– Э... здравствуйте, герр...

– Грабдэн. Эдгар Грабдэн. К вашим услугам, – сверкнув лучезарной улыбкой, ответил Эдгар. Впрочем, его взгляд, брошенный на следовательские нечищенные ботинки, был несколько презрительным.

– Очень приятно. Итак, – следователь помолчал. – Герр Грабдэн... хм... я знал одного Грабдэна в этом городе... ладно. Так вот, у нас возникла некоторая проблема... точнее, у вас.

– Моя машина числится в угоне? – весело, но с недоумением спросил, слегка прищуриваясь, Эдгар.

– Нет... – Крафт покосился на Штоссберга. – С этим вопросом мы уже разобрались. Дело в том, что я должен задержать вас до выяснения некоторых обстоятельств. Вашу машину видели у дома одной из жертв... преступления. Свидетель опознал ваш номер. Так что придется вам немного задержаться у нас, до выяснения непростой для вас и для нас ситуации. Убийство – это загадка, требующая огромных усилий для полной разгадки. Мотив, время, цель... Если бы Боженька пометил каждого убийцу неким знаком отличия, следователи не нужны были бы вовсе. Полиция сразу же задержала и обвинила, независимо от того, признался бы задержанный или нет. Но мы, следователи, проходим большую школу мужества и закалки и можем поговорить. Есть два варианта... Первый – это подозреваемый помогает следствию и таким образом облегчает себе жизнь, сокращает сроки пребывания за решеткой, а второй вариант... подозреваемый упирается всячески, и следователь добывает сведения через свидетелей. Вы какой вариант предпочтете?

Он обратился к Эдгару так просто и в то же время уверенным голосом, будто знаком с ним давно и как приятель знает наперед обо всех его темных делах и делишках.

Эдгар пожал плечами. События развивались не совсем так, как он предполагал. Точнее, они развивались по тому варианту, который ему не очень нравился, но все же был указан в предсказании. А стало быть, был ему известен. И, по его пониманию своей судьбы, данный вариант событий, несмотря на сложность, ничем ему не грозил.

– Можно я пока не буду отвечать на первый заданный мне вами, достаточно внезапно, пикантный, глубоко профессиональный с точки зрения следственных действий вопрос? – спросил он.

– Можно. Я вам разрешаю молчать даже и при следующих наших встречах, однако помните правила, которые я вам озвучил. Выбирать вам – помогать ли мне провести следственные действия, мешать или играть со мной в детскую игру типа «кошки-мышки». Думаю, вам понятно, кто из нас кошка, кто мышка и чем ей грозит это игра?

– Понятно. Я, кстати, играть в кошки-мышки не собираюсь. Я собираюсь понять: что происходит? Почему меня задержали, обвиняя в том, что машина в угоне, а затем в том, что

я возможный убийца, так как, допустим, по показаниям некоего незнакомого мне свидетеля, я был где-то там во время убийства.

– Не переживайте, со всеми свидетелями я вас познакомлю. Нам с вами предстоит пройти нелегкий путь. Хотим мы того или нет, придется вспомнить все самые неприятные события из вашей жизни. Вы будете как юная девушка, которую пытаются силой раздеть, а я буду в роли насильника. Того самого, кто раздевает. И мне ваши крики о помощи так же безразличны, как насильнику, который пытается насиловать или уже насилует. Крики потерпевшей вызывают во мне лишь презрение и вдохновляют на новые действия. Они не вызывают жалость, а возбуждают ненависть и желание делать больно. Жду от вас полного согласия. Быть в роли насильника и убийцы я не хочу, хотя... я раскрыл столько преступлений, более сложных, чем те, что сейчас предложили мне расследовать. Я не хвастаюсь. Я даю вам понять, что вы в роли цыпленка. И сейчас вы попали в крепкие лапы горного орла. Мы уже летим над пропастью. Если я вас отпущу, вы разобьетесь, если же удержу, мы долетим до моего гнезда, в котором нас ждут мои голодные птенцы.

– А вернуться к месту начала нашего полета никак нельзя, господин Орел? – спросил, пытаюсь казаться спокойным и шутливым, Грабдэн, хотя в его душе творилось неладное. Вернее, душа его спускалась медленно, но уверенно к пяткам, и тело от этого обдавалось холодом.

– Нет. Я гордый горный Орел, с длинными, острыми, сильными когтями! И если я поймал птенца в свои лапы, уже, поверьте, не упусти. У вас нет и не может быть надежды на возвращение к той секунде, когда вы свободно чирикали и шли по этой грешной земле. С того момента, как вас передали мне, вы мой клиент! Вы получите обвинения по всем совершенным преступлениям.

– Вы меня уже обвиняете? Без доказательств? Разве так работают ныне следователи с подозреваемыми? Это давление! – сделал попытку агрессивного наступления Грабдэн, пытаюсь тем самым сорваться с когтей горного орла, а там будь что будет. «Упаду, разобьюсь... Страшнее острых когтей этого опытного орла ничего сейчас нет», – подумал он.

– Доказательства? Будут! Господин полицейский, там, в коридоре, ждут несколько особ легкого поведения. Пригласите их ко мне. Не для галочки они едят свой соленый хлеб под моей опекой, то есть работая на меня осведомителями, – а потом, обращаясь к Грабдэну, он улыбнулся и сказал: – Понимаете, герр Грабдэн, мне очень везет. Когда ехал к вам, я увидел своих подопечных у дороги. Остановился разузнать, не увидели ли они подозрительную машину с таким же подозрительным водителем. И они, представляете, перебивая друг друга, стали рассказывать мне именно о вас. Вы им хорошо заплатили ни за что! Однако искры похотливости и злости в ваших глазах напугали их так, что все ваши деньги они подарили мне. Суеверие у них такое. Вот деньги, которые были ваши, а стали наши! – и следователь достал из кармана слегка помятые купюры, которые Эдгар совсем еще недавно щедро отдал девушкам легкого поведения, с глубоким умыслом.

Глава 2. Исповедь чудовища

Наутро, в девять часов, Жан Крафт уже сидел в своем кабинете – свежесбрившийся и вовсе не такой помятый, как вчера, а вполне себе свежий. Казалось, задержание подозреваемого – возможного преступника придало ему сил. Возможный преступник присутствовал тут же, соседая на старом скрипучем стуле все с тем же бесстрастно-безмятежным видом, что и вчера вечером. Казалось, он все знает наперед, все просчитал и предугадал и ему вовсе не страшно и не тревожно, как было бы другому на его месте. «Мало ли что расскажут проститутки следователю? И если даже я проявил к ним жест доброй воли и отдал им свои последние сбережения просто так, это ни о чем не говорит. Наоборот, это выглядит очень благородно, – над этим Грабдэн думал всю ночь и был уверен, что своими доводами он заведет следствие в тупик, – а то, что они испугались моего внешнего вида, так это из-за дождя. Да и настроение у меня могло быть неважным. Мало ли какие события огорчили. Разве человек, который едет к кладбищу проведать своего отца, улыбается другим людям?»

«Виновен он или нет? – недоумевал про себя Крафт. – С одной стороны, улики... интуиция, черт бы ее побрал... а она ведь может так подвести! И улика до того... мелкая и жалкая! А этот сынок старика Грабдэна до невозможности уверен в себе. Неужели я зацепил не того?! Ошибусь, он обратится в прокуратуру с заявлением о том, что я на него наговорил лишнего и обвинил его, невиновного, в преступлениях, и тогда цыпленком стану я сам».

Он откашлялся и начал более спокойным и уверенным голосом:

– Итак, господин Грабдэн, прошу вас вспомнить, где вы были вчера вечером, двенадцатого ноября. Это очень важно и для вас, и для меня.

– Ну-у-у... – протянул Эдгар. – Я... я был в ресторане... да-да.

– В каком? – Крафт потянулся за ручкой и бумагой.

– В... «Экскальбуре». Точно. Хотите – спросите официантов. Меня хорошо знают в городе, – отозвался молодой Грабдэн, со скучающим видом разглядывая серые металлические шкафы с папками.

Крафт тщательно записал все сказанное в своем дневнике.

– А сколько вы пробыли там? В котором часу пришли, ушли? – продолжил он.

Эдгар весело прищурился:

– Ах, как интересно! Я еще ни разу не был на допросе! Тут, как я понял, важно иметь хорошую память... Так, дайте-ка подумать... Я пришел в ресторан часов в семь, а ушел... ну, пожалуй, в девять. Где-то так. Да-да, часы на башне как раз пробили девять!

– Спасибо, – кисло ответил Крафт, записывая. Ему показалось, что Эдгар смеется над ним. – Значит, вы утверждаете, что официанты могут подтвердить все вышесказанное? – продолжил он.

– Конечно! – развел руками Эдгар.

– Чудесно! – выдавил из себя улыбку Жан Крафт. – А не подскажите, куда вы поехали затем?

– Домой, – спокойно ответил Эдгар. – Куда ж еще.

– Вы уверены? А не к... друзьям в гости? Или... к подруге?

– О, господин следователь! – притворно застеснялся Эдгар. – Неужели я должен отвечать и на такие интимные вопросы – с кем я проводил ночь! Хотя да, это же полицейский допрос... Так вот, – он внезапно метнулся к следователю, приблизив свое лицо, Крафт испуганно отпрянул, – я ни с кем не проводил ночь тогда. Я одинок, знаете ли... совсем одинок. У меня нет постоянной подруги, возлюбленной. Я поехал домой, начал перечитывать моего любимого Германа Мелвилла. «Белый кит» читали? Нет? Рекомендую.

Крафт почувствовал, что начинает злиться. Самоуверенность Грабдэна зашкаливала. Да он просто издевался над ним!

– Спасибо за совет касательно литературы, – холодно произнес полицейский, не отводя глаз, выдержав пронзительный взгляд Эдгара. – Но кое в чем вы, похоже, ошибаетесь. Или врете мне.

Темные брови Эдгара удивленно изогнулись.

– Ваша машина, как я уже упоминал, была замечена на Розенштрассе после десяти вечера. Возле дома номер сорок два, где проживает фрау Шарлотта Майерс. Подруга которой, Дагмара Кинстер, в ту же ночь была убита в спальне Шарлотты Майерс – заколота стилетом. Таким тонким, знаете ли, итальянским стилетом. Старинным. Сейчас подобных не делают. Патологоанатом сказал, она умерла мгновенно. Вопрос на засыпку: кто же убил эту женщину? Ни в чем не повинную красивую женщину в расцвете лет? Ей едва исполнилось сорок, бедняжке. Кому это надо было? Зачем? Кто-то, возможно, взял вашу машину, приехал туда и убил фрау Кинстер. Может, убить хотели хозяйку квартиры? Почему несчастную женщину лишили жизни ночью, в доме ее подруги? Я очень хочу это выяснить. Ваши соображения?

Эдгар помолчал, пристально глядя на следователя.

– Мои соображения таковы: есть в этом мире силы, неподвластные человеку. Они иногда вмешиваются в нашу жизнь и изменяют ее... или вовсе отбирают.

– Хватит! – не выдержал Крафт. – Оставьте это, герр Грабдэн! Вы можете мне прямо ответить на прямой вопрос: вы были у дома фрау Майерс в ночь двенадцатого ноября? Или не были?

– Был. Проезжал там. И что? – широко улыбнулся Эдгар, зрачки его сузились. – С каких это пор запрещено ездить по Розенштрассе? Я вроде запрещающих знаков там не замечал.

– И вы заходили в дом номер сорок два?

Эдгар вздохнул и закинул ногу на ногу.

– Я могу здесь курить? – осведомился он.

– Можете, – раздраженно кивнул Крафт.

– О, какой вы раздражительный... Вы явно очень устали, вам лучше взять отпуск, – с сочувствием заметил Грабдэн, доставая серебряный портсигар из кармана. – Поверьте мне, я по образованию врач.

Лицо Крафта покрылось красными пятнами от возмущения, но он сдержался.

– Вы. Заходили. В дом номер сорок два? – чуть ли не по слогам повторил он.

– Может быть, заходил. Это мог быть и я, и не я... Скажем, некая сила, которой я служу лишь орудием иногда.

Так мистично о себе Грабдэн заговорил с незнакомцем впервые.

– Послушайте, господин Грабдэн! – Крафт стукнул кулаком по столу. – Я хочу только услышать ответ «да» или «нет»!

– Так вы ничего не узнаете, – пожал плечами Эдгар, затягиваясь дорогой папиросой. – Я же пытаюсь вам помочь, объяснить: зачастую человек что-то делает, будучи лишь марионеткой того, что сильнее его. Если я вам сейчас скажу, что убил эту женщину и одновременно что не я убил ее, а Нечто из иного мира, – на что вы среагируете? На первую часть фразы или вторую? Посчитаете, что я признаюсь в преступлении, помогая следствию, что мне место в психушке?

– Для начала я возьму у вас отпечатки пальцев и сличу их с теми, что обнаружены на месте убийства. У меня четкое ощущение, что они совпадут, герр Грабдэн, – в голосе Крафта звучал металл. – И я не удивлюсь. Из всего бреда, что вы, простите, тут несли, я сделал вывод, что вы были у фрау Шарлотты в квартире. И что вы, вероятно, и убили ее подругу. А может, не только ее. Вот только понять бы, что там у вас с этим частным кладбищем... Кладбищем, которое создал ваш отец. Почему родственники убитых за последние два месяца хоронят женщин, жен, дочерей, матерей, именно там?!

– Я отвечу только одно: для вас все встанет на свои места, если вы почитаете некий документ. А именно – дневник моего отца. – Эдгар выпустил колечко ароматного дыма чуть ли не в лицо Крафта. – Просто иначе вы меня не поймете и не поймаете. Как бы я ни старался вам что-то объяснить. Можете снимать мои отпечатки, проводить любые экспертизы – все равно ничего не поймете. Так что – вперед, за дневником. Адрес я вам скажу. Я готов сотрудничать, – с этими словами Эдгар затушил папиросу в белой керамической пепельнице, стоящей на столе Крафта. – Ну, когда едем? Сегодня? Сейчас?

Крафт, не мигая, расширенными глазами смотрел на молодого человека. Затем медленно кивнул.

Глава 3. Там, где все началось

На кладбище было сыро и прохладно, как будто оно располагалось в камере невидимого холодильника. Серое, затянутое дымкой небо навевало тоску. Мокрые растения поникли, словно ежась от прохлады. Птицы – и те молчали. Жан Крафт брел по аккуратным, обсаженным цветами аллеям кладбища за Грабдэном, у которого сейчас руки были скованы металлическими наручниками, для верности. На вид молодой человек был достаточно обычным. Даже нет, красивым. Но каждый раз, когда Крафт смотрел в его глаза, холодом отдавало по всему телу. Случаи, когда глаза человека разнятся по цвету, бывают, но вот такого отличия чьих-то глаз от глаз других людей – не только из-за цвета, но и из-за странной глубины, какой-то гипнотической силы взгляда, как у герра Эдгара Грабдэна, Жан Крафт за всю свою жизнь не встречал никогда. Притом он, знавший отца Эдгара, уважаемого всеми господина Проствора Грабдэна, никак не мог понять, почему у такого симпатичного, доброго и порядочного человека родился такой вот внешне красивый, но душевно уродливый сын. Похоже, натуральный сумасшедший. А в том, что перед ним сейчас именно такой человек и идет, он не сомневался. Сопоставленные им факты говорили, что именно он, этот молодой мужчина, и есть тот, кого они давно искали. Днями и ночами работали, не спали, сопоставляли эти самые разные факты. Изучали. И вот, благодаря стараниям двух полицейских, нить, за которую они случайно зацепились на днях, неся службу у выезда из города, вывела их на маньяка. И именно о нем, судя по всему, и говорила Шарлотта. Несомненно, о нем.

Следователь шел за Грабдэном и смотрел удивленно на его широкие плечи и уверенную походку. Когда Грабдэн поворачивался, чтобы дать какие-нибудь пояснения на полученные вопросы, Жан Крафт старался не вглядываться в его странные глаза. Про себя он тогда думал: «Как он рос? Как отец с ним ладил? Почему он таким стал? Может, потому что мама умерла во время родов и не повлияла никак на своего единственного сына?»

Жан Крафт знал и ее, мать Грабдэна, Мадлен-Кэтрин. Миловидная девушка, даже красивая, и к тому же порядочная, жила в их городе с самого рождения. Ее родители были важными персонами. Богатыми считали их даже те, кто были богатыми сами. Она являлась единственным ребенком в семье, родившись в семье морского офицера, командира корабля, который часто бывал в экспедициях со своей командой. Мать Грабдэна осталась без родителей в детском возрасте. Родители уехали в отпуск, оставив семилетнюю девочку с няней, и разбились на самолете, когда пересекали экватор. Тайна той катастрофы изучается следствием до сих пор. Самое странное, что банковские счета четы оказались пустыми, имущество переписано на какого-то неизвестного человека, причем документы были самые что ни на есть подлинные, с подписями обоих супругов. Юная же Мадлен-Кэтрин осталась одинокой, нищей и выросла в детском доме. А потом ее встретил Проствор и женился на ней.

Мысли не давали покоя Жану Крафту. Он все шел, безжалостно приминая плоховато почищенными ботинками мокрую податливую траву, смотря искоса на могилы и думая, что сейчас нет смысла запоминать имена тех, кто лежит тут. Фотографии некоторых женщин на них, вклеенные мастерски в мраморные плиты, уже были знакомы ему по изученным материалам следствия. Крафт понимал, что ему предстоит вернуться сюда с командой следователей, без герра Грабдэна, чтобы заснять каждую могилу, проверить всё досконально и получить нужную информацию, для выдвижения готовой версии для отчета. А сейчас эта информация была лишней. По крайней мере, в голову никак не вмещалась.

– И вот, господин следователь, тут, в самом начале кладбища, под этой единственной липой (притом, что все остальные могилы находятся под березками, за исключением самых первых, если вы заметили, над которыми растут ели) и покоятся мои родные мама и папа.

– Как папа? Он тоже здесь? Единственный мужчина среди всех этих женщин? А зачем? Или в вашем роду не было больше мужчин? Хотя... – И тут следователь, несмотря на свой непререкаемый опыт, понял, что допустил глупость. Ему ли не знать, что кроме одной единственной женщины, Мадлен-Кэтрин Грабдэн, все остальные женщины чужие и не имеют никакого отношения к роду Грабдэнов.

– В нашем роду, господин следователь, не осталось больше мужчин, не считая меня самого и моего папу. По крайней мере, в той части древа моего рода, которую я знаю.

– А бабушка со стороны мамы? А бабушка со стороны папы? А их родители и прадеды-деды? – не стал следователь сдаваться, хотя сам очень хорошо понимал, что данный вопрос не имеет никакого отношения к допросу.

– Дело в том, что кладбище куплено моим отцом относительно недавно... Сначала он владел примыкавшим к этому месту небольшим земельным участком с развалинами восемнадцатого века. На участке сначала и находился наш дом. Мама еще была жива. А меня не было на свете. Папа с мамой только поженились... Да в-о-он он, тот дом! – Грабдэн махнул в сторону старого дома, видневшегося поодаль на возвышении, окруженного деревьями и плодородными кустами. – Вот тот самый дом. Полагаю, именно в этом доме они проводили минуты своего наслаждения. Потом... потом я родился.

Позже мы с отцом переехали в город; а еще позже вместе с землей под кладбище отец приобрел там хороший дом, поближе к центру. В этом же, старом, он планировал сделать что-то вроде краеведческого музея в миниатюре или же музея рода Грабдэнов. Но не успел.

– А кладбище? – спросил следователь, пожимая плечами, дав таким образом понять Грабдэну, что он пока что ничего не понимает.

– Кладбище – это кладбище женщин... не считая моего отца... И, кстати, я вас прошу: когда я умру, если вы, конечно, еще будете живы, похороните меня тут же, рядом с отцом. Даже не рядом с отцом, а между отцом и мамой. Я оставил себе специальное место. Вон оно... – и Грабдэн показал рукой на то место, между двумя могилами, где был уже установлен у изголовья памятник с фотографией самого Эдгара, с датой рождения, но без даты смерти.

– Хорошо, – с удивлением согласился Крафт. – В смысле, простите, герр Грабдэн, если я сам к тому времени не умру... Все мы под богом ходим... А что все-таки скажете насчет кладбища? И почему именно я должен вас похоронить? Никого больше нет?

– Ровным счетом ничего. Это длинная история. И она описана в семейном дневнике, который наверняка уже у вас. Там же, где был дневник отца, есть тайник. Как его найти и как открыть – я расскажу. Именно в нем хранятся деньги и драгоценности, которые я попрошу принять строго по описи и вернуть потом мне, если я, конечно же, останусь в живых и спокойно отправлюсь домой после окончания вашего следствия. И там, в этом же ящике, семейные фотографии. Да, и фотографии не семейные... Вот всех этих женщин, что захоронены тут. И даже фотографии женщин иных... тех, кто до сих пор живут и здравствуют, ни о чем не догадываясь. Живут... а отца моего, их любимого, больше нет. Почему так? Понимаете ли, я хотел бы это как-то... исправить.

– Вы имеете в виду убить?! Что они плохого сделали вам или вашему отцу?!

– Не троньте моего отца! – глаза Грабдэна засверкали. – Память о нем не запятнана ничем. Разве что... разве что неизвестным проклятием...

– Какое еще проклятие? – спросил следователь тоскливо, понимая сам, что чем больше он узнает о своем подследственном, тем меньше понимает причинно-следственную связь происходящего сейчас и происходившего давно в этом городе.

– Непростое дело станет простым тогда, когда вы прочтете отцовский дневник...

– А вот вопрос, который вам, герр Грабдэн, по-видимому, знаком... Почему так разнятся растения над могилами? В чем загадка?

– Ха-ха-ха, следственная ищейка не может разгадать придуманную моим отцом загадку!

– Простите, не могу...

– А думать? Думать можете?

– Нет... Предположить, что те, что лежат под березами, родом из России, а те, что...

Грабдэн смеялся так, как не смеялся с того дня, когда он с отцом увидел на участке муравейник, в котором все муравьи спешили, что-то носили, а один крутился, обозначая деятельность и мешая всем остальным, пока несколько муравьев не стали его подгонять к мертвому червяку, чтобы тот принял участие в переноске тяжелой ноши. А лентяй-муравей всячески пытался убежать от них, сопротивлялся. Никак не хотел работать. Но остальные не сдавались, ловили его, кусали и опять туда подгоняли.

– Вы тут, господин следователь, хотите разоблачить, по всей видимости, международную группировку убийц и исчезнувших из мира людей, ими убитых! Ну у вас и фантазия! – смеясь, говорил Грабдэн. – А я-то тут причем? Я ничего дурного не делал, с экзистенциальной точки зрения... Просто пытался упорядочить вопросы жизни и смерти... некоторых женщин. Под березами никого точно не закапывал! А уж мой отец и тем более моя мама – вообще святые люди!

– Но что все же тогда значат эти березы, липы, ели... – гнул Жан Крафт свое, пытаюсь не обращать внимания на насмешки Грабдэна. И другие полицейские, что сопровождали конвоем арестованного, и те, кто были понятыми, слушали молча их диалог, ничего не понимая.

– Это значит, что... имейте в виду, запишите это в протокол, я сам обо всем рассказываю, а это значит, иду на сделку со следствием. Кажется, за это полагаются некие послабления...

– Полагаются... И я за этим прослежу. Походатайствую перед судебными инстанциями.

– Так вот, березы – самое сокровенное, что тут есть. Их любила моя мама... Липы – деревья, которые обожал мой отец, а ели люблю я. И кусты люблю...

Жан Крафт подошел к кустам и тут же увидел там свежие могилы.

– А почему под кустами могилы свежие?

– Потому что... ну... господин следователь?! Это ясно даже ребенку!

– Почему? Я не понимаю...

– Потому что тут свежие захоронения... Я же объяснял вам: те женщины должны были умереть до того, как умер мой отец, но не сделали этого, и вот – пришлось вмешаться высшим силам. Это, знаете ли, семейное проклятие. Я бы сказал даже, некие семейные обязательства. Впрочем, вы все равно ничего не поймете и не поверите мне. Что ж, тайна уйдет со мной в могилу. Понимаете... я сам зачастую задавался вопросом: почему именно наша семья?! За что? Я не хотел становиться избранным, но разве меня кто спрашивал?!

Грабдэн, говоря последние слова, изменился в лице. Он стал суровым и страшным. И глаза его приняли еще более яркие оттенки. Они как-то углубились, запали и засверкали гневом.

Следователь быстро подсчитал могилы и записал себе в блокноте новые слова красным шрифтом «убитые», или «недавно убитые». Ранее, пока Грабдэн говорил, он писал иными цветами слова, напротив которых делал черточки, и ставил, оставляя место для недостающей цифры, вопросительные знаки.

– А как я открою секретный ящик в столе вашего отца?

– Нажмете цифры, указывающие на даты, годы жизни и смерти моей мамы, – ответил Грабдэн и, встав на колени перед могилой матери, вдруг застыл.

На лице его появилось выражение человека, впавшего в транс. Казалось, Грабдэн забыл и про следователя, и про все на свете, унесся мыслями куда-то очень далеко. Вдруг он принялся бормотать что-то. Крафт увидел на его щеках слезы. Следователю удалось разоблачить, что Эдгар... просил прощения за то, что не смог разорвать круг проклятия, не смог изменить участь их рода. Крафт решил дать ему какое-то время – все же человек плакал над могилой

матери, было как-то неловко его одергивать. Каким бы ни был Эдгар Грабдэн... Крафт тоже когда-то потерял мать.

«М-да, – подумал следователь, глядя на Эдгара, – работа по данному делу только начинается».

Затем, когда взгляд Грабдэна стал более осмысленным и он встал, отряхивая брюки, Крафт скомандовал:

– Уезжаем. На сегодня допрос окончен.

Ему хотелось как можно быстрее остаться в одиночестве, найти дневник и разобраться со всеми неизвестными...

Глава 4. Дневник

Жан Крафт и мистер Прэнк Тролли (так звали психиатра, которого следователь пригласил для изучения записей дневника) удобно устроились в черных казенных креслах из кожзама, расположенных у стола, на котором лежала потрепанная толстая старая тетрадь, похожая на те, в которых студенты пишут свои конспекты.

– Полагаю, нам следует читать вслух, чтобы лучше ощутить, понять написанное. Проникнуться им. Такая уж у меня методика, если не возражаете. Кто будет читать? – спросил психиатра следователь Крафт, показывая на дневник.

Вопрос он задал не зря. По своей работе следователь привык слушать и делать пометки по рассказу преступника или его жертвы. Психиатр же мог работать с написанным текстом, по которому он изучал, например, историю больного, а потом мог говорить с больным часами и отмечать по ходу разговора самое необходимое в его истории.

– Давайте вы, господин Крафт, читайте, а я буду слушать, – предложил, улыбаясь саркастически, Прэнк Тролли – невысокий худой человек под пятьдесят с почти белыми волосами и пронзительными голубыми глазами, в которых плескалась какая-то вечная ирония.

– А может, лучше вы? Мне кажется, у вас лучше создастся образ убийцы. А я в это время, следуя своей привычке, буду делать пометки по ходу, чтобы мы могли обсуждать услышанное, в смысле, прочтенное вами...

Тролли скривился:

– Неохотно соглашусь...

– Почему?

– Потому что читать вслух этот дневник с тайнами мертвеца мне неприятно. Понимаете? Мне проще читать историю живого больного. Даже если он сидит со мной за одним столом и придурковато смеется или плачет, что-то бормочет или если лежит передо мной в смиренной рубашке и орет как резаный. Мне это привычней, – психиатр улыбнулся и продолжил: – У вас же – другой клиент. Перед вами, наверное, в основном сидят хитрые, умные, как волки или шакалы, преступники. А иногда глупые несчастные жертвы, более похожие в своем поведении на испуганных овечек...

Временные, по работе своей, приятели рассмеялись. Психиатр взял дневник, открыл одну из первых страниц наугад, покачал недоуменно головой, что могло означать удивление при виде красивого, аккуратного почерка того, кто этот дневник вел, и стал читать.

– «Я пишу. Пишу, потому что хочу оставить память о себе своим потомкам...» – о, это яркая цитата, написанная к тому же каллиграфическим подчерком, да еще и красным цветом, – прокомментировал он прочитанное и посмотрел на следователя. В его взгляде виднелся вопрос: «Что бы это значило, по вашему мнению?», однако следователь ничего не ответил и лишь слегка пожал плечами, будто бы это было чем-то, ясным как апельсин. И психолог стал читать далее вслух.

«Я начну издали... – было написано в дневнике. И автор как будто призадумался над чем-то, давным-давно прошедшим в его жизни, и поставил многоточие, а потом продолжил писать, – с одного странного происшествия. Однажды я находился по личному делу в одном приморском городе, в старинном здании магистрата, на третьем этаже. Там было много людей. Но у окна стоял лишь я и смотрел, что происходит на улице. Там шел сильный дождь. Он лил буквально проливным потоком. В таких случаях обычно люди говорят, что небо слилось с землей. В рядом находящемся канале, на берегу которого располагалось это самое здание магистрата, бурлили сточные грязные воды. Течение было турбулентным до такой степени, что казалось, там не водный канал, а котел и вода в этом котле кипит, как во время приготовления очередного блюда. Сточные воды угрожали смыть берег, на коем крепко угнездился фундамент

вышеупомянутого здания. Рядом с ним располагались, конечно, и другие дома, мост и иные объекты и конструкции. Вся эта бурлящая вода уходила вниз по течению и сливалась в море. Море находилось поблизости, и его было видно совершенно отчетливо даже в такую непогоду. Я смотрел тогда в окно и думал о том, что если дождь вскоре не прекратится, то все строения, и этот дом вместе с нами, кто в нем спрятался от дождя или работает тут, просто смоем и всех людей поток мигом унесет в море. Я боялся дождя и грозы с самого детства. Однажды мы с мамой шли пешком через длинный, узкий деревянный мостик. Внезапно начался почти такой же сильный дождь с грозой. Мама сначала предложила быстрее пробежаться по мосту и спрятаться на том берегу под дубом, но через секунду дуб рухнул, пораженный сильнейшим электрическим разрядом. Мы присели прямо на этом мосту, обнялись и, дрожа от холода и страха, плакали. И буквально минуты спустя к грозовому шуму стал добавляться, все явственней вонзаясь в наши уши, некий непонятный грохочущий поток, казалось, несущий запредельное зло и адскую силу, внушая еще более отчаянный страх. Мы с мамой тогда еще не знали, что это за шум, но у страха глаза велики, и вскоре обнаружили поток водяной жижи с грязью, в котором плавали, пытаясь спастись, люди и животные, барахтаясь среди деревьев, камней и обломков разрушенных зданий. Весь этот поток двигался в нашу сторону со страшной силой, все прибывая и прибывая по высоте и укрепляясь по мощи. Даже я, совсем маленький еще, подумал тогда, что нам с мамой пришел конец. Мама сначала крикнула было, зовя на помощь, но поняв, что это бессмысленно, взяла меня на руки, прижала к себе и, преодолевая силу встречных страшных порывов ветра, вытирая глаза и лицо свои о мою мокрую рубашку, побежала изо всех сил к берегу. Как только мы оказались в нескольких метрах от моста, ведущего на другой берег речки, селевой поток добрался до него, угрожающе шумя. Мост, как старая доска, треснул сначала пополам, именно в том месте, где совсем недавно стояли мы с мамой, потом мгновенно разрушился на мелкие щепки и уплыл, дробясь и кувыряясь в потоках водяной жижи...» – тут автор опять проставил свои любимые многоточия, дав понять, что возвращается в реальное время.

Доктор тоже сделал небольшую паузу, прежде чем продолжил читать. Крафт взглянул на него с недоумением, но ничего не успел сказать, прежде чем психиатр продолжил:

«Сейчас же я смотрел через окно на уличную стихию, вспоминая детство и боясь, и ждал очередного спасения от Господа Бога. Надо сказать, что к этому возрасту я стал сильно верующим человеком и не стеснялся об этом говорить, думать, рассуждать. Я тихо молился, прося избавления. Однако мой страх внезапно исчез, так как я увидел там, у самого берега моря, разбитую лодку, которую волны все били и били о берег. А в лодке стоял мужчина. Из-за дождя и расстояния плохо было видно, но мне показалось, что это именно мужчина, а не юноша. По тому, как он держался, ясно было, что незнакомец обладает крепким телосложением. Пытаясь удержаться на ногах и не потерять равновесие и управление лодкой, он одновременно одной рукой удерживал ребенка лет пяти или семи. И мужчина, и ребенок явно кричали, зывая о помощи, но бушующая стихия заглушала их голоса. Я хотел открыть окно, чтобы лучше разглядеть, что происходит... Даже решил срочно спуститься с третьего этажа и побежать, прыгнуть в бурлящий поток воды, чтобы поскорее доплыть до них, помочь им, благо плавать я умею хорошо. Но как только я стал открывать окно, сильный ветер с грохотом захлопнул его обратно. Люди, находящиеся в зале со мной, стали на меня кричать, чтобы я немедленно закрыл окно и отошел в сторону, раз не могу себя адекватно вести: «В окно может влететь шаровая молния и убить всех!» Я был вынужден подчиниться большинству. Однако не только потому, что люди на меня кричали, и не потому, что я сам боялся шаровой молнии, и даже не потому, что порывы ветра оказались сильнее меня, а потому что снаружи, у канала, были еще люди. Два человека, мне незнакомые. Казалось, им вообще плевать на дождь – если на одном, по крайней мере, болтался брезентовый дождевик, который норовил содрать ветер, то на другом и вовсе красовался мокрый пиджак и брюки. Странная, как мне показалось, парочка. Наши

с ними взгляды встретились в тот самый момент, когда я открыл окно: лица мужчин были перекошены злобой. И почему они именно в это время посмотрели вверх в мою сторону? Ведь услышать, как я открыл створку, они не могли в этом грохочущем шквальном ветре с грозой. Однако порой и мгновения достаточно, чтобы понять, что происходит. Буквально через мгновение мне показалось, а потом я и вовсе уверил себя в том, что эти двое – преступники. Я понял это, сам не знаю почему, что те двое в лодке, мужчина и ребенок, оказались в ней по их воле, потому что именно они, эти странные люди, посадили их туда насильно и оттолкнули от берега. А сами в это время, несмотря на сильный ветер, грозу и бушующие потоки, смотрели и ждали, как я понял, когда лодку унесет вода и те двое несчастных погибнут в страшной стихии. Естественно, причины их поступков мне были неизвестны. Но злобные взгляды преступников, брошенные в мой адрес, были настолько недвусмысленными, что я их испугался, забыв на мгновение о порыве желания спасти несчастных...»

Тут Жан Крафт запыхтел неровно, как усталая после скачек лошадь, что у него выказывало обычно крайнюю степень волнения, а герр Прэнк Тролли отвлекся от чтения и зацокал языком, высказывая сильное удивление.

– Ну, это явно по вашей части, герр Крафт, – предположил Тролли.

– Да уж, новые обстоятельства открываются в моем деле с самого начала дневника, – ответил он и задумчиво попросил доктора: – Читайте дальше.

Тролли откашлялся и продолжил:

«И все же, несмотря на испуг, я принял решение. Закрыв окно, я внимательно посмотрел на всех присутствующих, будто ища в них некую поддержку. Не увидев в их взглядах той самой поддержки, не находя даже в самом себе достаточной уверенности и убежденности в правильности своих поступков, я тем не менее вышел из комнаты и побежал вниз по лестнице, чтобы как можно быстрее попасть на улицу. Люди, которые до тех пор кричали мне закрыть окно, подумали, что не иначе как во мне совесть проснулась или я ретировался, стыдясь их гнева. Невзирая на бродивший во мне страх перед преступниками, я решил попытаться все же чем-то помочь мужчине и его ребенку. Как только я вышел, моя одежда сразу же промокла насквозь, а зонтик быстро развалился, превратившись в бесполезный кусок тряпичного полотна, оторванный вскоре и унесенный ветром куда-то в сторону моря, и кусок пластмассы, служивший только что ручкой. Сначала я хотел выбросить ручку своего безвременно погибшего зонтика, но внезапно неизвестно откуда взявшаяся мысль подсказала: «Оставь как оружие обороны и нападения». И держа ручку зонтика в правой руке над головой, что, должно быть, со стороны выглядело очень смешно, я побежал к лодке, удаляющейся от берега моря. Мне пришлось нестись под сильным дождем, преодолевая страхи и порывы ветра. Когда же я добежал до берега, там уже никого не было. Я подумал с досадой, что мне все это показалось и что зря я так рискнул своей жизнью. Но... события следующего дня заставили меня вернуться к этой истории».

Прэнк Тролли промолчал, почесал задумчиво затылок, потом лоб, будто пытаясь что-то подобное припомнить.

– А что было на следующий день? – спросил следователь. – И куда делась лодка с мужчиной и ребенком?

– Сейчас переверну страницу. Мне самому интересно, – ответил психолог.

«Ближе к обеду следующего дня я вновь пошел к тому зданию. Видимо, меня, как преступника, тянуло к месту, где на моих глазах свершилось преступление. На улице было тепло. Солнце блистало с неба и высушивало землю и берега еще вчера грозно бушующего канала. Людей в округе было мало. Только два человека стояли перед той дверью, откуда я вчера выходил, и что-то бурно обсуждали. Я вспомнил их злобные взгляды. Это были именно они, вчерашние злодеи. Один – длинный, небритый, был одет в тот же потертый темный пиджак, что и вчера, а на другом, который тогда щеголял в дождевике, красовалась темно-синяя джинсовая

куртка. Увидев меня, один из них махнул рукой, как бы прося, чтобы я приблизился. «Неужели узнали?» – удивился я, но подчинился, в надежде, что они все же не смогли узнать. Во-первых – расстояние, во-вторых – гроза и дождь. В душе царил сильнейший страх. Я успокаивал себя тем, что, во-первых, они не посмеют среди бела дня на улице города что-то мне плохое сделать; во-вторых, что они меня могли не узнать, в-третьих – я вчера ничего такого особенного не сделал, что могло бы им помешать осуществить свои намерения. Ведь когда я вышел на улицу, их уже не было! Но, как потом оказалось, надеялся я зря. Когда я подошел, один из них, «джинсовый», ухватил меня левой рукой за шиворот рубашки, притянул к себе и затем стал трясти, ничего не говоря. Я опешил. Потом я почувствовал, как дуло пистолета уперлось мне в горло. Да-да, в его правой руке оказался пистолет. Видимо, он его держал до сих пор за пазухой, потому я его и не увидел. «Ты что больше любишь – когда болит горло или голова?» – спросил он, злобно смеясь. «Я боли не выношу», – ответил я, стараясь выглядеть совершенно спокойно. «Оставь его. По его душу есть мастер, – сказал второй, – не марай себя дерьмом. Пошли. Он и так проклятый... Пристукнешь – еще подхватишь это его проклятие!» И странный человек быстро засунул пистолет в карман и улыбнулся мне в лицо. Потом они оба ушли, ничего более не делая и не говоря. Я стоял ошалевший, потирая рукой горло и пытаюсь прийти в себя и все осмыслить. В это время вдали появилась гужевая повозка, как мне показалось, без ездока. Однако же мгновением позже я разглядел и его, и то, что находилось в его руках... И это было не что иное, как оружие, что-то вроде винтовки. Это оказалось уже слишком. Гонимый непреодолимой силой страха, я побежал, как преследуемый охотником заяц, поглядывая на грохочущую следом повозку, петляя по улицам то влево, то вправо, спотыкаясь и чуть не падая на ходу. Люди с недоумением шарахались в стороны. Мы находились на окраине города, впереди маячила морская гладь. Ездовой встал во весь рост, продолжая гнать лошадь, избивая ее жердью по спине. Я четко увидел его – высокого, напряженного, худого, уже не очень молодого, с искаженным лицом, изуродованным огромной, еще не зажившей раной от сабли или ножа. Заметил я еще, что у него в руке была именно настоящая снайперская винтовка. Когда лошадь перешла на галоп, догоняя меня, он отпустил вожжи, приподнял винтовку и стал целиться в открытую, как в преследуемого охотником зайца. То есть я был для него как обыкновенное дикое животное. Обезумев от ужаса, я рванул со всех сил в сторону неких строений – обычных небольших киосков, где продавалось мороженое, газеты, печенье и другая мелочь, пытаюсь скорей достигнуть их, укрыться за ними. Но избитая и испуганная лошадь бежала быстрее меня, и повозка приближалась, сопровождаемая криками возмущения и удивления прохожих и угрозами вызвать полицию. Мы долго так бежали. Я и конь, унося за собой колесницу с очередным непонятным мне преступником, который по неизвестной причине хотел меня убить. И когда город кончился, куда бежать, где спрятаться, я не знал. Началась равнина с отдельными кустами. Однако следует отметить, что мои действия все же сильно мешали убийце как следует прицелиться, а скачущая лошадь качала повозку, так что уродливый человек с трудом держал равновесие, и выпущенные пули свистели постоянно мимо меня. В целях самозащиты я иногда на бегу наклонялся, подбирая камни с земли и бросал в стреляющего. Одним камнем я, видимо, попал ему прямо в лоб, другим, к несчастью, я угодил лошади в глаз, отчего она встала на дыбы и, не подчиняясь хозяину, быстро свернула и помчалась в сторону от меня. Там, куда она свернула, был огромный обрыв. И я инстинктивно направился за ними, чтобы помочь, если они, не дай Бог, ушиб лись, когда туда свалились. И когда повозка покатила вниз, я тоже стремглав скатился за ней. Лошадь освободилась от своей ноши и убежала. Хозяин же лежал в повозке с закрытыми глазами и тяжело дышал. Я подбежал к нему, взял винтовку, рядом с ним валяющуюся, перекинул ее ремень себе за спину, достал обрывок веревки из лошадиного обоза и связал ему руки и ноги для надежности. А потом прихватил злоумышленника покрепче за середину туловища, взвалил его на себя через правое плечо таким образом, что

голова его и руки были передо мной, а ноги сзади, чтобы он не имел доступа к винтовке, и потащил его обратно в город, к полицейскому участку.

Я пыхтел от усталости. Винтовка давила мне на спину, но я шел, вытирая иногда пот о его грязную полосатую рубашку. Мужчина тоже тяжело дышал; в груди его что-то клокотало. Ему приходилось несладко, ведь руки и ноги его были связаны, а голова моталась в районе моей груди. Из рта текла струйка крови, оставляя след на песке. Видимо, он ударился головой, падая с обрыва. Да и я не удержался, пока связывал его, и ударил раз по лицу – преступник, как только пришел в себя после падения, полез было в драку, и мне пришлось ударить его, проведя боксерский хук справа и снизу по лицу. Порой незнакомец пытался укусить меня за грудь или живот, но, к моему счастью, попадал в основном аккуратно в то самое место, где проходила лямка винтовки. Мне было смешно смотреть на его потуги. Он теперь был как раненый волк. Но мне было страшно. Особенно когда он, качаясь, все же доставал меня зубами и схватывал за кожу через одежду. Благо я в тот день был одет в кожаный плащ, так как после вчерашнего дня с обильным дождем решил подстраховаться на случай нового буйства непогоды. Все это время несостоявшийся убийца не произнес ни слова ни в мой адрес, ни вообще. Может, он вообще был немой...»

– Нет слов! Да он пишет не хуже Эрнеста Хэмингуэя! – присвистывая, с удивлением сказал Жан Крафт. – Да и биография у него еще та. На приключенческий роман потянет.

– Действительно, интересно, – хмыкнул Прэнк. – Я как психолог могу уверенно утверждать, что наш «Хэмингуэй», как вы выразились, знает толк в писательском деле. И его дневник отражает прежде всего некие основные моменты его жизни. А они достаточно яркие, не будем отрицать. Наверняка к концу он раскроет нам много тайн. Главное – терпение. Надо дочитать до конца, а потом уж делать выводы, – нравоучительно добавил психолог.

– Простите, что прервал, Прэнк, – смутился Крафт. – Прошу читать дальше. Постараюсь воздерживаться от эмоциональных проявлений и не мешать вам. Нам, следователям, эмоции и не по должности, – не удержался он от шутки.

– Тут, собственно, идет примечание автора, – продолжал Прэнк, сделав вид, что не заметил «шпильки» Крафта. – Да, именно так и написано: «P. S. Я не знаю, когда, кто, зачем будет читать этот дневник, и не знаю, кому он поможет и в чем конкретно, но я точно понимаю, что однажды кто-то прочитает, что я много раз был в опасности и что опасности эти заставили меня о них писать, предупреждать людей о том, что бытие человеческое – причудливо и непредсказуемо... и очень хрупко. Вышеописанный случай – первый из тех, когда смерть пронеслась совсем рядом со мной, обдав ледяным гнилым дыханием... Когда то, что довлело надо мной, чуть не воплотилось таким вот образом – в безвременную мою кончину от руки неизвестных людей».

– И куда он его дел? В смысле, того, кто покушался на его убийство, но в итоге был им избит, связан... – Крафт задумчиво почесал переносицу.

– Н-да... неизвестно... Спросите в другом полицейском участке, может, какие-то данные имеются, – предложил психиатр. – Кстати, весьма загадочное преступление. Кто и почему хотел убить Грабдэна?

– Тогда, следуя вашим советам, поиском того, кто занимался этим преступлением, займусь завтра. И как только найду какую-либо информацию, дам вам знать. Хотя... давненько это все было... А пока я делаю выводы, что с психологической точки зрения наш общий знакомый тоже нуждался в обследовании...

Следователь рассмеялся, довольный, видимо, своим выводом и ожидая, что психиатр его похвалит.

– Это не ваша сфера, дорогой мой коллега, – тут же поморщился «душевед», – если начнете влезать в «мой огород» в этом деле, я тоже начну вас учить тому, как провести расследование...

– Вы уже немного мне в этом деле подсказали, – рассмеялся Крафт.

– В каком смысле? – спросил Тролли с удивлением.

– Вы мне порекомендовали обратиться в другой полицейский участок, видимо, полагая, что в этом деле не я разбираюсь, – ответил Крафт.

– Хм... Да. Простите. Это так, эмоции, – Тролли кашлянул, чтобы скрыть смущение.

– Ну что вы, тут не за что извиняться, вы же знающий человек, психолог... имеете право советовать в любом вопросе, – отозвался Крафт чуточку ехидно.

Оба мужчины немного помолчали, почувствовав, что увлеклись колкостями. Затем Крафт предложил прочитать еще пару страничек, чтобы найти хоть какую-нибудь зацепку.

И психиатр, перевернув страничку, продолжил читать.

«Немного о детстве. Детство мое прошло вполне обычно. Родился я в небольшом поселке, который не обозначен на карте мира, и вполне может быть, что и на местных картах о нем ни слова. Рос в бедности. Папу своего не знал. Мама никогда при жизни о нем мне почти не говорила. Ни хорошо, ни плохо. А если я интересовался, почему у других детей есть папа, а у меня нет, она обнимала меня, целовала в лоб и тихо-тихо шептала: «Он у тебя был замечательным человеком. И очень хотел сделать нас с тобой счастливыми». И все. Был. Хотел. А где он сейчас, в момент написания этих строк, жив ли, мертв? Не знаю. И в детстве не знал. Все прояснилось лишь много лет спустя. Вот почему такой вопрос я обозначил выше. Но о встрече с отцом и обо всем, с этим связанным, я напишу немного позже. Сейчас я вернусь к детству и опишу несколько случаев из жизни. Пожалуй, самый загадочный из них – это история о мамином серебряном перстне с сапфиром, с выгравированными на нем непонятными знаками. Мама о нем не любила рассказывать, никогда не выставляла на продажу, редко носила, и то только в доме. За пределы дома его не надевала. Полагаю, потому что он был очень старинным, дорогим украшением. И этот перстень, как она однажды сказала, должен передаваться из рук в руки по женской линии. А так как у меня сестренки не было, я должен был после смерти мамы передать вещь своей жене. И я был готов исполнить ее желание сразу же после рождения ребенка, но... жена умерла во время родов. Об этом ужасном для меня воспоминании я напишу позже, дабы сейчас не беречь и не растревать свои душевные раны».

– Простите, господин Крафт, а где этот загадочный перстень? Вы его конфисковали? – спросил психолог, отрываясь от чтения.

– Вы сейчас мне, герр Тролли, нанесли нокдаун. Перстень в деле имеется. Он у подозреваемого, а именно у герра Эдгара Грабдэна, сына Уорри Грабдэна, которого мы, как вы знаете, задержали и подозреваем в многочисленных убийствах женщин. Однако все мои попытки изъять драгоценную вещь у арестованного пока не увенчались успехом. Он заявил, что этот перстень с него можно будет снять только после его кончины и ни днем раньше. И не просто заявил, а написал. Вот, пожалуйста, прочтите. Вы, кстати, хорошо читаете. С выражением. Если бы я не был следователем, подумал бы, что сейчас нахожусь в читальном или театральном зале.

Прэнк Тролли взял протянутый следователем документ и прочел: «Я, Эдгар Грабдэн, обвиненный в убийствах женщин, являющийся единственным наследником своего отца, Уорри Грабдэна, который при жизни купил участок земли и впоследствии построил там кладбище, где захоронены одни лишь женщины, за исключением его самого, заявляю официально и умоляю всеми святыми и самим Богом расспрашивать меня о чем угодно, но ни за что и никогда не касаться перстня, доставшегося мне в наследство от отца. Никто не имеет право снять этот перстень с меня, пока я жив. Иначе...» – далее было зачеркнуто.

– Что иначе? Какова причина такого заявления?

– Причину он не объясняет никак. И в заявлении далее ничего об этом внятно не пишет. Как видите сами, ниже он поставил подпись и расплакался. На бумаге много пятен. Пока я забирал у него заявление, он успел пролить слезы, представляете? По его словам выходит, что

перстень – его личная реликвия, и, несмотря на законы, он просит оставить его себе до смерти. Он так и заявил: «Я его с собой в гроб не хочу брать, но пока я жив – не отдам! Наследников у меня нет. Поэтому заберете потом, когда я скончаюсь. Мне уже будет все равно».

– Я, как психиатр, полагаю, основываясь на поведении молодого Грабдэна, что благодаря этому перстню вы, возможно, разгадаете часть тайн, как только изымите его у владельца, – предположил психолог.

– Я понял вас, мистер Тролли. Думаю, что все-таки изыму, да. Может, это улика! Да и вообще... – следователь поморщился, словно подумав о чем-то гадком. – Ладно... Надо сказать, дневник нам помогает кое-что понять... о биографии покойного Проствора Грабдэна, по крайней мере о том, что он был за человек. Читайте дальше, – попросил следователь и стал себе пометать что-то в своем личном блокноте.

«Много было неразгаданных загадок. Много чудесных событий. Одним из них для меня было то, что в детстве, лет в четырнадцать, я, как и многие другие дети, влюбился. Влюбился без памяти в свою соседку Диту. Мы были всегда вместе! Боже мой, как я счастлив вспоминать те далекие дни! Мы ходили с нею за грибами, играли в прятки, катались на качелях, строи ли городки из песка и глины, готовили кушать нашим мнимым детям, представляя себя в роли отца и мамы, делали вместе уроки, ходили в кино, а порой и в кафе, когда удавалось подзаработать немного денег. Моя мама относилась к ней прекрасно: было заметно, что она, возможно, уже видела в девочке будущую невестку. И все складывалось у нас хорошо, пока... пока у нас с нею не случилось все... по-взрослому... А на второй день она погибла при пожаре. Сгорел родительский дом. Все произошло ночью, когда и взрослые, и дети спали. Она умерла во сне. А может, и успела понять, что произошло. Может, даже звала меня на помощь... а я не знал! Я спал. Узнал о ее гибели лишь на второй день, утром. Я проснулся от маминого плача. Я подошел к ней, сидевшей у стола, и спросил, что случилось, почему она плачет? Она обняла меня и расплакалась еще сильнее. Я нутром почувствовал, что пришло какое-то страшное, непоправимое горе, поэтому, еще не зная и не понимая ничего, тоже заплакал... А мама сказала: «Мой любимый и неповторимый мальчик... ты у меня опять один... одинокий мой мальчик... ОНО пришло и за тобой... Боже, ну почему за тобой!» И тогда у меня сердце остановилось на время. Я понял. И сквозь рыдания спросил: «Мама! Дита... что-то с Дитой? Что произошло? И что пришло за мной, не пугай меня, ответь мне!» Мама кивнула, глядя мне в глаза: «Да. Диты больше нет. Будь сильным». Я отскочил от нее, из груди моей вырвался отчаянный крик: «Нет!» А мама, вытирая слезы, продолжала: «Понимаешь... на нас есть проклятие. Однажды... я надеюсь, оно закончится. Не спрашивай меня когда. Я не знаю. Но сейчас оно ударило по тебе, сынок. Давным-давно наш род прокляла одна старая ведьма. Говорят, кто-то из наших предков предал девушку, любившую его. Проклятие идет по мужской линии нашего рода. Те женщины, которых мужчина полюбит, умирают. Вот этот перстень, – мама показала на кольцо на безымянном пальце левой руки, где обычно носят обручальное кольцо, – как-то защищает. Я не знаю, как именно... но знаю, что его надо передавать мужчине рода Грабдэнов, который вступает в брак, перед первой брачной ночью... чтобы он потом передал его из своих рук жене, когда у нее появится ребенок... мальчик... И она будет носить его, пока ее сын не вырастет и все не повторится. Но бывает... бывает, что проклятие выбирает... одного мужчину из рода, и... – мама вздохнула, помолчала секунду и продолжила, глядя мне в глаза: – Я хочу, чтобы перстень защитил тебя. Пусть я и нарушаю традиции, но... но возьми его сейчас! Может, он отведет от тебя этот рок! Может, ты еще сможешь быть счастливым, встретишь девушку, которую полюбишь... и передашь ей кольцо... Береги, сынок, его и никому никогда не отдавай, не теряй, не оставляй без присмотра до тех пор, пока не влюбишься снова и пока твоя жена не родит тебе ребенка. Только ей, любящей и любимой, отдай драгоценность. И ничего не бойся!» Тут мама, вытирая слезы, сняла перстень. Сняла, посмотрела на меня так, как будто видела в последний раз, протянула его с улыбкой сквозь слезы и открыла было рот еще что-то сказать,

но вдруг раздался страшный грохот! В открытое окно влетела шаровая молния – прозрачная и переливающаяся, сверкающая, словно тысячи солнц! Она пролетела мимо меня как обычный футбольный мяч и ударила маму по лицу. Пламя охватило ее голову мгновенно, как священная корона Божьей матери, и... вся комната заискрилась, ярким светом осветилось все вокруг, и мама упала замертво прямо передо мной... Так я остался сиротой».

– Ужас! – тихим голосом пробормотал Жан Крафт. – У него явно было обостренное восприятие, и к тому же он обладал богатейшим воображением. – Нарочно так не придумаетесь! Я, ей-богу, расчувствовался...

Прэнк Тролли снял очки, протер стекла, вздохнул, а затем сказал тихо, пытаясь успокоить себя и следователя:

– Мистер Крафт, я психиатр. И я имею дело с действительно больными людьми. Болезни у них самые разные и состояние порою действительно ужасное. Когда я начинал работать, мне людей так жалко было, что плакать хотелось. И признаться, и сейчас... не по себе. Тут действительно прискорбная картина, да... смерть любимой девочки, смерть мамы. Да... ужасно! Я и сам расчувствовался. Мастер... мастер герр Уорри Грабдэн в вопросах описания событий! Далее читать? Выдержите? Не устали еще?

– Читайте, друг мой. Читайте. Нам важно знать все, – тихо сказал Жан Крафт, немного успокоившись.

Прэнк Тролли неохотно надел очки на нос и продолжил:

«Перстень я повесил на шнурок и какое-то время носил на шее, он был слишком видным, крупным, дорогим для мальчишки. После похорон мамы я думал, что жизнь моя кончена. Не имел понятия, что делать дальше, в чем и в ком найти опору. Однако же меня приютила подруга матери. Ну... как подруга – скорее, женщина, жалевшая нас. Она была довольно небогата, обладала жестким характером, но она помогла мне не пропасть. Я окончил школу, поступил в торговый колледж и ухитрился получить среднее образование – милейшая фрау Марта наскребла денег мне на учебу. Не зря мы сэкономили на всем, даже на еде. Помню, на обед у нас постоянно был или капустный, или яичный суп и недорогие сосиски с картошкой. Какие-нибудь овощи с огорода. По воскресеньям – курица. Никакого шоколада, пирожных, никаких деликатесов, разве что на Пасху, Рождество и именины. Одежду мы тоже носили скромную; из развлечений предполагались книги или прогулки, совмещаемые с работой в огороде, разумеется. Точнее, состоявшие из этой самой работы. Кино моя опекунша считала баловством, а слушать гастролирующих бродячих ярмарочных артистов было в ее глазах прямо-таки грехом! Театров у нас поблизости не имелось. Так я и рос. До поры до времени.

Однажды я сорвался... Огород, постная пища... отсутствие развлечений, столь любимых мальчиками моего возраста, сыграло со мной злую шутку. В кинотеатре как раз шел тогда новый детектив... Все мои знакомые отправились на премьеру, а я... а я должен был, как всегда, перекопать очередную грядку, полить уже имеющиеся. Я попробовал попросить опекуншу отпустить меня на сеанс, но она была непреклонна. «По кино будешь бегать, когда сделаешь всю работу», – сурово сказала она мне тогда. И у меня случился настоящий нервный срыв. В глазах у меня потемнело – в тот момент я буквально возненавидел опекуншу. Я закричал, что убью ее, и кинулся на фрау Марту с лопатой. Слава Богу, ей удалось добежать до двери и закрыться в доме. Не знаю, что на меня нашло. Потом я оказался у врача, мне кололи успокоительные, а я рыдал и просил прощения. Однако опекунша пришла к выводу, что не в состоянии на старости лет поднимать такого «трудного подростка», и отправила меня в детдом, где я и находился полтора года до совершеннолетия. Фрау Марта сказала, что не держит на меня зла, но она «слишком старый и больной человек, чтобы выносить такие фортели от кого бы то ни было». Впрочем, мне еще повезло... Опекунша действительно не держала на меня зла. По достижении совершеннолетия я получил от нее сумму, достаточную для поступления в торговый колледж. Так что я несказанно благодарен строгой, улыбающейся лишь пару-тройку раз в

году фрау Марте, которая на самом деле была добродушной и заботливой женщиной и заменила мне мать! Правда, это осознание пришло чуть позже. Надо отметить, к ее чести, еще и то, что она никогда не пыталась заставить меня снять и продать мой перстень. Она, судя по всему, знала, что он очень важен для всех Грабдэнов. С перстнем я не расставался. Когда стал достаточно взрослым, стал носить его на пальце. Но, дабы скрыть его ценность, я стал носить перчатки. Снимал их только тогда, когда бывал в одиночестве. Ночью, когда ложился спать. Когда оставался наедине с собой в ванной, будучи уверенным, что никого рядом нет. Людям я говорил, что у меня кожное заболевание и мне нельзя быть без перчаток. Впрочем, об этом потом, сейчас я хотел бы рассказать о другом. О том, как я полюбил по-настоящему, окончательно и бесповоротно. И что из этого вышло. Однажды (это было уже после окончания колледжа, и я уже снимал комнатку в небольшом поселке, работая там в магазине) я шел по дороге по направлению к железнодорожной станции. Стоял тихий, ясный весенний день, на деревьях уже начала распускаться листва. Я шел, не торопясь, любуясь зеленеющими яркими ветвями ровно посаженных вдоль дороги деревьев, слушая веселый щебет птиц, и увидел, как шедшая впереди изящная русоволосая девушка в голубом плаще вдруг споткнулась и упала. Я подбежал к ней, помог встать. Бедняжка сильно повредила себе ногу и даже, падая, ударила лицом о камень и разбила нос, так как из него сильно текла кровь. Конечно же, я решил ей помочь. Не бросать же мне ее у обочины дороги! Я помог плачущей и хромающей девушке дойти до ближайшего травмпункта на станции, где ей немедленно оказали медицинскую помощь... Потом, держа ее под локоток, ощущая всю нежность и теплоту ее хрупкого тела и уже млея от всего этого, проводил до дома. Естественно, мы разговорились. Как оказалось, у нее никого нет. Родители давно умерли, бабушек-дедушек своих она не знала. Выросла моя красавица в детдоме, а после совершеннолетия стала жить в одиночестве, в собственном небольшом домишке, выделенном государством после ухода из детдома. С работой было очень плохо, как она призналась. По ее просьбе я купил в ближайшем магазине хлеб, соль, куриную ножку, килограмм сосисок, а также пару десятков яиц, и когда мы дошли до дома, больная попросила приготовить что-то вкусное, так как она «со вчерашнего дня ничего не ела». И упала она, видимо, там, на дороге, как я догадался, услышав такое признание, не иначе, как от голода. Я приготовил нам на двоих самое обычное мужское блюдо, то есть яичницу из четырех яиц и двух сосисок. Причем для придания красоты сосиски расположил в большой чугунной сковородке в одну линию, а яйца пропорционально по центру. В конце каждой сосиски разложил приоткрытую луковичку, разрезанную ровно пополам. Пару лукович, которые я нашел у нее в старой тумбочке возле кровати, – это было все, что имелось в этом доме из продуктов. Посолил яичницу я дробной солью, добавил туда еще пару красных помидоров, которые сорвал под окном дома, немного зелени с грядки, за которой, видимо, она сама ухаживала, и пару горошков черного перца. Потом я сорвал лист смородины, вишни, набрал несколько листочков мяты, прокипятил хорошо и весь этот навар налил в две огромные кружки. Порывшись в той самой тумбочке, нашел маленькую баночку меда и добавил по одной маленькой ложечке в каждую кружку. Когда приготовления были окончены, я выложил все это на старенький журнальный столик, на котором до сих пор лежала книга некоего английского или американского писателя в оригинале. «Милая, – сам себя не узнавая, сказал я, – прошу к столу. Свежеприготовленный чай по рецепту Гая Юлия Цезаря, – соврал я. – Пусть немного поостынет, пока съедим яичницу». Она смущенно посмотрела на меня и покраснела. Тогда я повторил: «Прошу вас, сударыня, к столу». «Спасибо. Я уж думала без приглашения начать есть. Так проголодалась! А то, что вы приготовили, так соблазнительно пахнет! Я так хочу есть, но постеснялась начать без приглашения. Меня надо немного... подгонять... Я очень стесняюсь людей, тем более мужчин. А при этой ситуации, где, с одной стороны, голод не тетка и не ждет, а с другой – вы, человек, которого я не знаю даже как зовут...» «Ах, да... – прервал я ее, – я Уорри... Проствор Грабдэн...» – честно признаюсь, она была так хороша, несмотря на сублильность, даже некую телесную прозрачность от

недоедания, что я отозвался немедленно. Я тут же почувствовал сильнейший прилив любви, подступающий от самого моего сердца. «А меня зовут Мадлен-Кэтрин Гойн», – мило сказала девушка, улыбнувшись. И ее лучезарная улыбка отдала теплом по всему моему телу. У Мадлен-Кэтрин (второе имя мне понравилось больше, и я так и стал ее называть, против чего она не возражала) были русые, чуть вьющиеся волосы, большие голубые глаза под темными бровями, красиво очерченные изящные скулы, белоснежные зубы. А к тому же, когда она приоткрыла рот, дабы назвать свое имя, я заметил ее язычок – розовый, нежный, слегка заостренный на конце... Он выглядел так мило на фоне зубов и алых губок, что я чуть не потерял дар речи. Однако, взяв себя в руки, я предложил немедленно начать наш первый совместный обед. В тот же день она, как будто поняв мои чувства и желания, попросила остаться на ночлег. Я, конечно же, с удовольствием согласился, так как день все равно прошел и мне идти более было некуда. Учитывая, что я очень долго жил без ласки, потеряв любимую да еще и маму, и с тех пор жил в строгости, я согласился, ибо голова моя закружилась, словно на карусели. И с тех пор мы стали жить вдвоем. А спустя месяц, когда я понял, что влюблен и жить без нее более не могу, и, самое главное для меня, она сама призналась, что без меня жить не хочет и не будет ни одной минуты, я ей предложил расписаться. Мы стали хорошо питаться, и к этому времени наши тела постоянно напоминали нам о своих желаниях. Так мы и поженились. пышной свадьбы не было – мы зарегистрировали брак, ходили в местную сельскую церквушку. Друзей у меня было мало, у нее тем более, так что застолье мы устроили скромное, на двоих, дома. Надо сказать, что наша идилия скоро должна была закончиться – на время. Мне пришла повестка в армию. В качестве свадебного подарка, так сказать. Это было не очень кстати... В положенное время я хотел передать Кэтрин перстень, о котором до определенного времени старался ничего не говорить, да и она ни о чем не спрашивала. Меня также восхитило, что, узнав о подарке, который я ей вручу лишь после того, как она родит ребенка, Кэтрин обрадовалась как малое дитя. Она даже стала подпрыгивать и хлопать в свои нежные ладошки. И эта ситуация сильно взволновала меня. Потом была армия... Мучительные дни разлуки с любимой. А год спустя, когда этот долгожданный час – час рождения нашего сына настал, во время родов Кэт умерла. Умерла после появления на свет моего дорогого Эдгара. Я был там, в больнице. Меня отпустили из части, конечно же, в очень короткий отпуск по семейным обстоятельствам. Я держал на руках своего сына и плакал. Плакал, когда тело Кэтрин накрыли простыней и увезли. Все слезы я выплакал тогда, и на похоронах их уже не было. Я не мог больше ни рыдать, ни видеть весь этот мир, ни дышать без Кэтрин... Я просто не хотел жить. Но Эдгар... Он так доверчиво смотрел на меня круглыми глазенками, которые были у него разного цвета, как у моей мамы, – один карий, один голубой... Так трогательно чмокал розовыми крохотными губками, прося материнского молока... И я поклялся жить для него, для крохотного родного человеческого существа, бывшего и частичкой моей любимой девушки, – жить во что бы то ни стало! Между тем мне предстояло отправиться за рубеж, на некую военную операцию. Ребенка на время пришлось поместить в детдом, пока я не вернусь, ведь родственников ни у меня, ни у Кэтрин не осталось. Фрау Марта была уже нездорова и очень немолода. Она бы не смогла взять мальчика к себе. Я молился, чтобы Бог сохранил мне жизнь там, за границей. Сегодня, спустя много лет, я пишу все это в дневнике, который всегда ношу с собой, но, не имея права разглашать военные тайны, не могу называть места военных действий. Могу лишь сказать, что это все было в некотором царстве, в некотором государстве, за морями и океанами. И в этом государстве управлял делами некий президент, которого в мире знали все как великого тирана. А нашей задачей было организовать военный переворот. Однако военный переворот превратился в военные действия, как водится... Из серии «все против всех». В этой кутерьме я был как иголочка в стогу сена. Людей было много и с одной, и с другой стороны фронта, орудий также было предостаточно, и пули свистели постоянно у самих ушей. Бомбы взрывались, оку-

тывая пылью и грязью солдат и офицеров. Многие военные умирали, будучи разорванными на мелкие части при прямом попадании бомбы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.